
РУССКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

Сергей Либерт
(г. Мосбах, Германия)

ИЗ ЦИКЛА ВРЕДНЫЕ ПРИВЫЧКИ

Сергей Либерт, прозаик, кандидат в Творческий клуб «Московский Парнас», живет в г. Мосбах, Германия.

ДВОЕ НЕИЗВЕСТНЫХ

Ночь была темная и безлунная. После дождя пахло озоном, цветущей акацией и сырыми листьями. В окнах больших домов уже погас свет, когда двое неизвестных повернули за угол и, не обращая внимания на весеннее великолепие, вошли в темный подъезд.

Эхо гулко разнесло по подъезду тяжелые шаги незнакомцев, которые, похоже, были кое-чем вооружены — карманы их оттопыривались. Они, не спеша, поднялись на второй этаж и остановились у двери, прислушиваясь.

— Здесь что ли? — с нетерпением спросил один из них, тяжело дыша, — только, чем открывать будем?

— Учить тебя что ли, — прохрипел другой незнакомец, — тебе только ломом работать! На, попробуй ключами.

В подъезде было по-прежнему тихо, не считая усердного сопения и позвякивание ключей.

— Ты че так долго!? — поторапливал хриплый голос.

— Уф! Есть! Наконец-то! — прошептал другой. — Только чем закусывать?

— Ты че ребенок, закусывать! Открыл?! Ну, с Богом!

— Со «ствола?».

— Со «ствола». Поехали!

Двое неизвестных вышли из подъезда так никем и незамеченные. Только теперь им было уже на это наплевать. Единственный тусклый фонарь высветил два обнявшихся силуэта. Похоже, дело прошло успешно.

Утром уборщица Фаина Куприяновна, как всегда убирала в подъезде и ругалась: «Чертовы алкаши, когда только успевают?». И бутылки из-под водки, белого и красного крепкого складывала в свою специальную корзину.

КАК ХОЧЕТСЯ КУРИТЬ

Бросаю курить, борюсь с самим собой. Дал слово очень дорогому мне человеку. Если я сказал, считай, что сделал. Буду лезть на стену, грызть камни, дуло к виску, но не сдамся.

Смотрю вдаль. Вот, Керр идет, курит. Ближе, теперь я уловил запах дыма. Собака на миг замерла, глянула, тряхнула головой, фыркнула и побежала прочь. Кошка не решилась перебежать дорогу. А вот и дама (иностранка) глянула на меня, щелкнула замком, взъерошила сумочку, нервно стала рыться, ища что-то важное, наконец, нашла, чиркнула и... с шумом затянулась... глаза заблестели... Как я понимаю ее. Моя рука по привычке потянулась за сигаретой, но ты снова встала между... Спасибо, что ты есть!

Жаль, что далеко...

МУЖСКОЙ РАЗГОВОР

— Не то! — сказал один из них, морщась и вытирая пот с лица, загорелого под цвет меди...

— Да, не то,— подтвердил громовым басом другой, усатый, такой же громадный ввысь и вширь, как и его товарищ, но более подвижный и в чистой рубашке.

Они поставили кружки и уставились друг на друга, соображая что-то. Ничто не могло отвлечь их от дела.

Я с шумом отодвинул стул, усаживаясь поудобнее. Они и не глянули в мою сторону, продолжая сидеть молча и неподвижно, похожие на две одетые цистерны.

«Наверное, истинные ценители»,— подумал я, отхлебнув глоток. Пиво и в самом деле было не очень.

День только начинался, и в кафе было безлюдно. Усатый горестно созерцал пустой зал и барабанил по столу пальцами, выражая всем своим видом спокойствие и терпеливое ожидание. Меднолицый, пыхтя и отдуваясь, постоянно отирал пот со лба.

— Вчера было лучше,— прогремел, наконец, он.

Усатый в знак согласия махнул головой, но ничего не сказал. Наступило опять длительное молчание.

— Да пиво не то,— вступился я в разговор,— если б было чуть-чуть...

— Слышь,— угрюмо оборвал меня усатый,— не суй свой нос в чужие разговоры.

Я понимающе почесал затылок и закурил. Да ничего больше и не оставалось, кроме как сидеть и, молча, наблюдать за трапезой двух разговорчивых гигантов. Но разговор явно не клеился. Усатый по-прежнему вертел головой, а загорелый хищно уставился на мою сигарету, словно в ней был скрыт секрет плохого пива. «Может сигарет хотят?» — решил я.

Но меднолицый, не отрывая взгляда от моей сигареты, достал свои. Они закурили.

— А вы не смотрели вчерашний матч? — снова обратился я к ним.

Но усатый не дал договорить.

— Не лезь со своими глупыми разговорами! — При этом он покачал возле моего носа громадным, как огурец, пальцем. И затем, словно меня уже не существовало, обратился к другу: — С рыбой бы пошло.

— Да, — согласился тот, опустошая кружку.

Допив пиво, я хотел было встать и уйти, как вдруг меня осенила мысль:

— Может мы возьмем что-нибудь посолиднее пива?

Два друга переглянулись и внимательно посмотрели на меня. Кажется, я попал в цель.

— Вот! Это другой разговор! — сказал усатый, сверкая, как начищенный самовар, поглядел на меднолицего и добавил, — Васек! Доставай свою заначку.

ШВЕДСКИЙ СТОЛ

Свадьба! «Шведский стол» ломился по-русски — шашлык, рыба во всех видах, салаты, фрукты... Шампанское и водка в ведерочках со льдом манили прохладой и свежестью. Я потянулся — «моя атмосфера!». Ты мысленно встала передо мной... Звоны бокалов весело звали присоединиться. Я наблюдал, как пьянеет публика. А потом, а потом я пошел на сцену... Мне дали бубен (таков закон среди музыкантов). Я был трезвый, твои слова уравнивали меня. Я не пил, и мне это понравилось, хотя чувствовал себя предателем среди пьющих музыкантов... Пьяненькая певичка обернулась и, снисходительно улыбаясь, спросила:

— Че хочешь?

— Хочу с тобой спеть!

— Давай!

Мы пели «Леди ин блэк». Я думал о тебе. Время от времени ловил на себе женские взгляды, глаза певицы становились влажными, она завелась. Дальше пела уже не «программу», а пела для меня.

Я вышел из ресторана. Была ночь. Посмотрев на звезды, подумал, где-то далеко в другой стране, которую здесь мы называем «Большой землей», живешь ты, такая далекая и такая родная. Интересно, а по звездам далеко до Москвы...

Я снова окинул небо взглядом: звезды, как звезды, все на месте. Вдруг маленькая, как электрический разряд, точка появилась на небе. Она то увеличивалась, то уменьшалась, словно привлекая мое внимание, а потом застыла, поражая своей красотой. ОНА светила только мне!

Я вошел в ресторан, певичка потянула меня на сцену, и никому невдомек было, что я теперь пел для тебя, все вокруг померкло и поблекло. Меня ослепляла яркая звезда цвета «зеленый электрик». Это ты! Ты! Ты! Моя...

УТРО, ВОДКА, СИГАРЕТА

Утро... Выхожу на балкон. Как всегда, закурил. До открытия магазина десять минут, смотрю на прохожих. Пока накину куртку, спущусь с десятого этажа, магазин откроется, и, наконец, опохмелюсь. Как болит голова. Выбегаю на улицу. Вот-вот должна пройти она — дама моей мечты. Все! Сегодня брошу курить и пить! Вот только бы скорее открылся магазин. Она прошла мимо! Я хожу вокруг машины и тупо пинаю колеса, жду открытия отдела, где ждет моя спасительная «подружка». После обеда коллеги меня уже не воспринимают — нет в руках сигареты, я «в завязке». Терплю, убиваю время — лишь бы быстрее закончилась пауза...

Вечером снова выхожу на балкон, беру сигарету, делаю затяжку, еще одну, еще... Сбегаю по лестнице и прямо в магазин. Брошу пить и курить завтра. Вот только бы не закрылся магазин...

Хорошо...

Снова утро. Выхожу на балкон и опять тупо смотрю вдаль... Сейчас пройдет она! Скоро откроется магазин. Высоко громадное небо, над головой облако распласталось, как притаившийся крокодил, еще миг, и он прыгнет.

Как там у Блока — «улица, фонарь, аптека...». А у меня — утро, водка, сигарета...

Все! Надо завязывать. Завтра брошу...

Опять утро...

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Брэт был в завязке уже три месяца. Мучительное желание выпить хоть каплю подавлял силой воли. Зато с каждым днем без выпитого он чувствовал новизну жизни, которая приносила радость победы над собой. Но искуситель не дремал, соблазняя, и в этом своем душепагубном замысле не знал покоя. Явившись к Брэту в виде страждущего Охмыря, стал склонять его к «успокоительному», так называл он «зеленого змия». И вот они уже сидели за столом и пили, пили, пили, отгородившись от мира пьяным угаром и дымовой завесой сигарет.

Утреннее похмелье принесло ему знакомые уже много лет ощущения: безоблачное настроение, душевный покой, а боли в суставах как рукой сняло. Он тут же повторил трапезу, такова была его привычка. А в это время пьяный Охмырь ликовал, потирая руки:

— Теперь этот снова наш человек! Дальше уже он пойдет сам по накатанной дорожке.

— Ты что там бормочешь? — очнулся Брэт, но никого не нашел рядом.

— Наш, наш!!! — ликовал уже невидимый искуситель, — все наши идут этой дорогой. Скоро и его найду очокурившимся!

Для разнообразия Охмырь менял кончину своих: одного находили под забором бездыханного, другого в канаве, скрюченного и недвижимого, третьего — под мостом с остекленевшим взором и застывшей гримасой, а четвертого вовсе — в постели в позе мертвого фараона.

Теперь Охмырь придумывал смерть вчерашнему собутыльнику.

А Брэта все чаще и чаще будили смертельные судороги по ночам, резь, как горлышко разбитой бутылки, перекатывалась по всему животу. Хотелось пить, но вода не приносила удовольствия — она была, как в школьных учебниках, без вкуса и запаха. Брэт медленно умирал в одиночестве. Вот он с трудом вздохнул, и его слух уловил дуновение шепота: «Из любых капканов, которые ставит тебе Охмырь, есть спасение. Он охотится на тебя. Хочет забрать твои последние жизненные силы. Подавить волю. Поставить в зависимость, а потом уничтожить. Только ты, как больной зверь, должен сам себя спасти. Должен победить Охмыря. Не молить о пощаде! Не унижаться перед ним, а уничтожить! У тебя хватит сил сделать это. Ты справишься! Я верю! «Зеленый змий» — не спасение. Не лекарство для души, а твой враг!!! Охмырь — мираж. Ты — человек! Живи и борись!»

И вот Брэт, бородатый и посеревший, в истертой одежде, встал и побрел по мрачной пещере, согнувшись, как старик. А пещера, между тем все сужалась и сужалась, свод ее опускался с каждым шагом все ниже и ниже, словно желая прикоснуться к нему, взять его в свои влажные холодные объятия... «Неужели я больше никогда не увижу солнца, не улыбнусь утру, не услышу музыку опадающих листьев?» — ужаснулся он.

Сопrotивляясь невиданной силе, Брэт стал пробираться вперед. В дали пещеры туманно показался свет. Время, скорость, пространство, казалось, изменяются независимо друг от друга. Брэт не знал, сколько еще ползти, как долго он здесь. Полз уже на брюхе, извиваясь, как ящерица, перебирая руками и ногами. А когда свет вдали исчезал, понял, что наступила ночь. На пути попадались скелеты в странных позах: все лицом вниз, бывшим лицом. Они тоже когда-то ползли, но не доползли, не хватило сил. Охмырь победил их.

«Я доползу, у меня хватит духу», — думал он и, разгребая камни, продвигался вперед. Между тем пещера стала еще уже, превращаясь в нору, где он, вытянувшись во весь рост, впиваясь ребрами, как крючьями, в стены, полз.

«Скорей, скорей бы на свет Божий»,— мелькнула мысль, и сам удивился, ведь никогда не выражался так.

Шло время. Претерпевая невыносимую боль, мучаясь голодом и жаждой, он достиг выхода. Высунув руку наружу, Брэт ощутил солнечное тепло, оно передалось всему телу, наполняя каждую клеточку жизнью. Он высунул голову. Слезы потекли по щекам. Он плакал от радости.

Брэт пытался двинуться дальше, но каменные тиски пещеры крепко сжимали, словно громадная пасть. А под ним запахнулось живительное озеро, в котором отражалось яркое солнце и синее небо. Зеленел луг, манивший шелковистой травой...

Но силы стали покидать его. Тело перестало сопротивляться. «Нет!» Он вздохнул полной грудью, и камень под ним как будто шевельнулся, потом сдвинулся, а потом вовсе медленно пополз, оторвался от скалы и с грохотом рухнул вниз. Руки и грудь Брэта освободились, стало легче дышать... Он улыбнулся солнцу, и страх застыл в глазах. В следующую секунду Брэт летел в пропасть.

Прохладное озеро поглотило его, а потом словно выплюнуло наверх. Он, собрав все силы, барахтаясь, хватаясь за каждую травинку, плыл, понимая, что погибнет, если перестанет бороться.

Вдруг он увидел берег. Дыхание становилось ровным. Взгляд запечатлел, как коровы разом перестали жевать и уставились на него грустными глазами, бараны безмолвно сгрудились в кучу, а пастух так и застыл возле костра с дудочкой во рту. Вот пьяный Охмырь прямо посреди огня, выставя скрюченное рыло. Языки пламени облизывали его, а Охмырь все выплясывал свой предсмертный танец, напоследок изрыгая шипящие, как фейерверк, разноцветные снопы искр.

Брэт открыл глаза. Он лежал весь измученный и голодный, что произошло с ним, не понимал. Страшно хотелось пить. Теперь вода приносила ему живительную силу. Бесцветный мир становился прекрасным, а за окном слышна была музыка падающих листьев.

Игорь Карлов
(г. Мапуту, Мозамбик)

ОБРЕТЕНИЕ СМЫСЛА

Под мостом вода играет листьями кувшинок и длинными шелковистыми прядями речных растений, завораживает причудливыми извилами и круговоротами. Безмятежно, замедленно клубится между бетонных опор таинственный мир скорее угадываемых, чем слышимых звуков, памятных с детства запахов, вольно бликующего света. Каждый день я люблю эту картину, да и не только я — мало кто из пешеходов, поспешающих по своим делам, пересекает мост, не бросив взгляд на струящийся внизу поток. И всякий раз река удивляет тем, как неразрывно соединяются глубинная философская константа ее русла и легкомысленно-сиюминутная изменчивость течения. А вот мы, люди, словно мусорная пена, крутимся лишь на поверхности, бездумно снуем челноками на работу и обратно, не видя конечной цели наших стремлений, не осознавая подлинного значения бытия. Баста! Сегодня я со всей остротой неизбежности понял, что необходимо прервать наскучившую, утомительную, однообразно повторяющуюся изо дня в день маету и сверить свое суетливое существование с чем-то значительным. Настала пора вынырнуть из затягивающей воронки обыденности, выскочить из безжалостных жерновов повседневности. Да здравствует стремление к смыслу! Да здравствует осмысленная, пусть и мимолетная, свобода!

Свернул вправо, нетерпеливо и неосмотрительно бросился через проезжую часть дороги. За решетчатой изгородью, на самой стрелке Пахры и Десны, призывно зеленел небольшой пойменный лужок, на который так хотелось ступить, словно это были поля елисейские. У калитки — развилка дорожек; одна, мощеная булыгами, карабкается вверх по склону крутого холма, увенчанного знаменитым собором, а другая, гравийная, обсаженная старыми липами, спускается к лугу. Ринулся по нижней тропе, несколько десятков метров шел в тени раскидистых крон. Над моей головой среди густых ветвей каменным туманом проступали стены храма Знамения Пресвятой Богородицы, а сквозь листву мозаично вспыхивало в лучах восходящего солнца золото наверхия. Когда же я вышел на открытое место, церковь перестала прятаться за деревьями и явилась во всей красе, приветствуя своим летящим силуэтом и причудливыми барочными кружевами, покоряя гордым замыслом и царственной непреклонностью. Храм парил в небе рядом с неподвижными облаками и медлительным самолетом. Парил целиком и каждой своей частью в отдельности: увенчанная крестом ослепительно сияющая корона уже давно устремилась к жаркому светилу, за ней потянулись ярусы сводчатых окон, а мощное основание здания только лишь готовилось к прыжку, сжавшись в мускулистую массу. Ангелы по углам всех четырех притворов что есть мочи махали известняковыми крылышками, стараясь поднять ввысь эту махину, ажурная белокаменная резьба, казалось, уже стала осыпаться с сотрясающихся фасадов...

Наглядевшись на чудо архитектуры, я двинулся дальше, туда, где по берегу Дес-

ны раскинулись ивовые кущи. Подойдя к зарослям, увидел у дерева чей-то велосипед. Кто-то, как и я, наслаждается здесь красотой и покоем. И где же мой неведомый сотоварищ? В ответ с реки, от мостков, послышался плеск. Одиноким в этот ранний час купальщик плыл на стремнину. Хотелось мне увидеть его лицо, коротко, но значительно посмотреть в самые глаза, намекая, что мы вдвоем хранители секрета сегодняшнего утра, однако над водой мелькал лишь затылок. Не стоять же над душой человека! И пошел я своей дорогой, словно скользя по течению, ощущая вместе с пловцом прелесть раннего купания, испытывая обжигающую радость, как если бы не его, а мое разгоряченное ездой на велосипеде тело погрузилось в студеную воду. Славно, славно!

Бреду вслед за током речной воды, никуда не спеша, любясь желтыми цветами кувшинок и частым бором на противоположном берегу. Знаю, что это не так (сосны не назовешь вековыми), но воображаю, что среди деревьев есть и те, которые видели Петра I, побывавшего здесь на освящении вновь построенного собора. Представляется мне февраль 1704 года. Молодой монарх, на чью главу еще не возложен императорский венец, обходит невиданный ранее на Руси храм. За Петром Алексеевичем следуют приближенные. Не скрывая гордости постройкой, возводившейся полтора десятка лет на его деньги, вышагивает Борис Голицын, хозяин здешних мест, в прошлом дядька царя, поддержавший своего воспитанника в борьбе против правительницы Софьи, сподвижник, назначенный при отъезде самодержца за границу одним из управителей государства, воевода и кораблестроитель, наместник Казанский и Астраханский. Не ведает боярин, сколь переменчива судьба смертного, не подозревает, что уже в следующем, 1705, году он за недосмотр и нерадение будет удален от двора, что ни былые заслуги, ни буйное бражничество с немцами, ни учиненная по иноземному образцу церковь не вернут ему расположения государя, не защитят от крушащего все устои движения истории, и род Голицыных будет постепенно хиреть, а сам Борис окончит дни в монастыре.

На ходу обдумывает предстоящую проповедь в отстроенном храме один из любимцев Его Величества — Стефан Яворский, искусный в схоластике, велеречивый на латинянский манер местоблюститель патриаршего престола. Это уж много позже выяснилось, что, несмотря на причастность к униатскому просвещению, упрям Стефан, как все русские попы, и, сколь может, противится попыткам реформации. Пообтесался в Европах бородач, а не понял, что для воплощения царских замыслов непременно надобно скрутить в бараний рог несговорчивых церковников, хватающихся за святость предания. К вящей досаде государя, Яворский ничем не помог ему в учреждении столь необходимого надзора за душами подданных. Вот ведь и патриаршество было упразднено, и Святейший Синод создан по подобию гражданских коллегий, а все едино из стройной методы государственного управления выбивалось неподотчетное никому православие — последний рубеж противления монаршей воле, оплот тайной свободы, рассадник в народе вредной идеи, будто бы божеское неизмеримо выше и важнее кесарева... Да, не оправдал экзарх возложенных на него надежд, не благословил прямо и однозначно петровскую дубину, а потому, как доносили царю, тяготится делами Синода, управлять коим ему было доверено. Но милостивый самодержец никак не взыскал с заскорузлого в своем упорстве архиерея, и держал его под рукой в качестве символа непреложной необходимости подчинения церковных властей властям светским. Долгонько томился Президент Духовной коллегии в веригах своего немощного владычества, исподволь вызревала в том томлении его главная книга, пока не распустилась витиеватым заглавием: «Камень веры: православной святой церкви сынам на утверждение и духовное созидание. Претыкающим же о камень соблазна на восстание и исправление». Сочинение почти тайное, при

жизни императора так и не изданное, труд, в котором ученый проповедник рискнул намекнуть на то, что ощущалось многими, передавалось из уст в уста, невзирая на страх пыток и казней: мол, царь-антихрист преткнулся о камень своеволия, рухнул в пучину греха и чуть не утянул за собой весь крещеный люд. Только книга не о том. Яворскому важнее казалось не тянуться к заблудшему перстом указующим, а укрепить в вере свою паству, поддержать православных среди тотальной ломки устоявшихся понятий, призвать христиан к духовному восстанию, исправлению и созиданию. Но такие мысли приходят нескоро и трудно, сейчас же, зимой 1704 года, венценосец был для Стефана не иначе как камнем веры, ибо имя ему Петр!

Подтаявший февральский снежок сочится сыростью, наливаются водой отпечатки ног. Среди размашистых, деловитых, заискивающе семенящих, устало шаркающих следов — прихотливая цепочка детских. Чуть не бегом поспешает за царем сынишка Алексей, изумляясь затейливости чудного строения, а еще больше дивясь неожиданной милости к себе августейшего родителя. Государь и вправду впервые приблизил отпрыска постылой жены. Поди знай, что стало тому причиной... Может быть, недавний стрелецкий бунт воочию показал самодержцу, что смерть, как и в былые годы, когда те же стрельцы едва не подняли десятилетнего Петра на пики, попрежнему таится прямо за дверями его покоев? Участи своей никто знать не может; нить жизни непрочна, глядь — и оборвется. А кто продолжит начатое? Кто претворит в дело дерзновенные замыслы в державе, снедаемой то буйством, то оторопью, то чрезмерной спесивостью, то юродским смирением?.. Начал царь приучать своего первенца к делам государственным, таская его за собой то на пышные торжества, то под осажденную Нарву. Только не в батюшку пошел изнеженный Алексей, подверженный какой-то непреодолимой лености. В учении не обнаруживал он отцовской смекалки и хватки. Повзрослев, с натугой, словно из-под палки, тщился со своими клеветками затмить разгулом всешутейший, всепьянейший и сумасброднейший собор... Не был страстным наследник русского престола ни в законном браке, ни в объятиях крепостной девки, ни в стремлении отстоять право на трон, ни в попытке спасти живот свой, отвергая несправедливые обвинения в измене и покушении на отцеубийство. Даже в пыточном каземате оставался Алексей до обидного вялым, и лишь в руках убийц, говорят, стал вдруг красноречив и убедителен... Если бы мог отрок, засмотревшийся на каменные узоры паперти храма Знаменья, предвидеть, что детские игры как-то незаметно обернутся дворцовыми интригами! Если бы дано ему было предвкусить гибельную горечь грядущего! Но такого царевичу даже в страшном сне не привидится, как не может помыслить и Петр, что, наблюдая за сыном, испытает брезгливое раздражение, которое сменится жестоким разочарованием, а затем перерастет в ярую ненависть, что не покоробится он самолично допрашивать кровинку свою в жутком узилище, а затем предать в руки палачей. Отчего так случилось, что его ребенок оказался воплощением всего дряблого, прокисшего, подлого? Всю эту мерзость терпеть рядом с собой никак невозможно, ее следует выжигать каленым железом, рубить вместе с головами врагов, отрезать с языками, с коих срываются непотребные слова, вырывать с ноздрями, учуявшими запах прежних порядков. Так остановит ли владыка Земли Русской карающую десницу, когда подвернулось под нее родное чадо?! Господи, за что ему такое испытание!

Однако это все треволненья зрелой, а то и предсмертной поры, сейчас же молодой преобразователь обходит дивный белокаменный храм во главе верных сподвижников. Он полон сил, стремлений и замыслов, он только лишь ступил на стезю грандиозных свершений. Правда, за плечами Петра Алексеевича уже Азов и Воронеж, Амстердам и Лондон, за плечами содрогнувшаяся от невиданных по размаху да жестокости стрелецких казней Москва. Далее для царя открыт лишь один путь — на чис-

тое место, на берега Невы, подальше от текущей кровью Москвы-реки, да и от Пахры с Десной, чьи воды так легко унесли в небытие дружбу и родство, несбыточные упования, сломанные судьбы, растоптанное величие, попранное благополучие — все то, что могло бы заилить русло великих гражданских подвигов... К храму Знамения, на обустройство которого он так щедро жертвовал, царь, которого потомки нарекут Великим, уже никогда не вернется.

Напоминая о дне сегодняшнем, о лете, плеснула волна, сверкнул мне в глаза солнечный зайчик, и растаяло февральское видение. Нет, не осталось в заречных лесах свидетелей петровской эпохи. Да и тех деревьев не отыщешь, что помнили бы пышный екатерининский поезд и обильный пир на всю округу, устроенный в честь императрицы. Над головой Екатерины шумели иные сосны, откуда матушка-государыня оценивающе оглядывала издавна обжитые да благоустроенные подмосковные земли, размышляя о том, кто из ее фаворитов достоин богатого голицынского имения, чьи статья и преданность могли бы быть вознаграждены столь щедрым подарком.

Нет, нынешняя буйная поросль на высоком берегу Десны застала, вероятно, лишь гораздо более поздние дни бедствий народных, когда грохотала под Москвой апокалиптическая битва, выигранная совсем не геройскими с виду, но недостижимыми по силе духа воинами, которые своими юными телами, как факелами, сжигали самолеты и танки со свастикой на броне... Десятилетия, века пролетели над этим безмятежным ныне уголком родной страны. И напоминает о былом лишь сумрак бора, хранящего хвойный, смолистый дух вечности да темно-зеленые всполохи нетленной памяти.

Вновь стряхнув с себя наваждение минувшего, иду далее, фланирую эдаким экскурсантом, оглядываю окрестности. На левом берегу Десны такие же дощатые мостки для купания, как и те, что остались у меня за спиной. Такие, да не такие! Пошире они, вроде бы, попрочнее... Интересно, почему другой берег всегда кажется более манким, более ухоженным и, уж во всяком случае, более таинственным, чем тот, на котором ты находишься? Увидишь на другом берегу старую лодку, наполовину вытасченную из воды, и сразу роятся в голове туманные романтические сюжеты. Разглядываешь домик у воды на опушке леса, и мнится, что непременно тихая да мирная, зажиточная да неспешная жизнь течет в нем. Так же, как прежде купальщику, я похорошему позавидовал владельцу сказочной избушки: вот ведь хитрец — устроился жить в раю, и никому не расскажет про свое счастье.

На самой стрелке дорожка делает поворот. Под ногами похрустывают камешки, сверкают капли на траве, и я в своем одиночестве почему-то ощутил вдруг себя в непривычной роли хозяина огромного поместья, для которого специально засыпали гравием тропинки, чтобы он не замочил росой ног, гуляючи поутру. И уже похозяйски стал разглядывать лежащие на пути ветки ракут: что такое? Уж не порубку ли кто учинил самовольно? Но нет, толстые концы сучьев сломаны, а не спилены. Видимо, недавний ночной ветер, принесший обильный дождь, пообтрепал деревья.

Полюбовался издали еще раз Знаменской церковью. Да, хороша! С этой точки обзора собор был похож на космическую ракету, стоящую на стартовой площадке в готовности взмыть в невообразимые высоты. И вновь пришел на ум Петр Алексеевич, некогда выделивший этот по-русски нерусский храм из множества других. Чем приглянулся он царю? Не только ведь красотой и пышностью. Похоже, в устремленном горе контуре угадал император, разглядел через века и запуски в небеса железных шаров, давших новую жизнь старинному слову «спутник», и легендарный взлет улыбочивого крестьянского паренька с княжеской фамилией, и непреодолимую мощь стерегущих страну от супостата батарей колоссальных единорогов, снаряженных испепеляющим огненным зельем. Каким образом Петр смог предвидеть высокий полет своей державы? Загадка! Но, надо полагать, именно в своем гениальном предви-

дении находил неуемный самодержец силы для трудов и свершений, видел оправдание неисчислимых человеческих жертв на алтарь будущего.

Дребезжащий металлический звук вернул меня к действительности: давешний пловец ехал восвояси; разболтавшееся заднее крыло велосипеда билось о багажник. Счастливого пути, друг! А я еще пройду. Подышу сочным, вкусным воздухом, полюбуюсь искорками росы в траве, позабавлюсь, наблюдая за игрушечной жизнью птиц, резвящихся на лугу... Какие малозначительные, но яркие и психологически важные для человека впечатления! Ими, как корешками, врастает он в родную землю и, укрепившись, может претворить окружающий хаос в благодатный космос.

Но вот, замкнув круг хождения, я вновь оказался у развилки дорожек, подошел к калитке. Пора возвращаться к делам, к житейским сложностям. Странно, но часто возникающего в дорогах нам места стремления задержаться еще хотя бы на миг я не испытывал. И не только потому, что ежедневно дважды прохожу мимо Знаменской церкви и заливного лужка рядом с ней, не только потому, что в любой момент могу вновь войти в волшебные свои владения, где в неспешном течении перемежаются давно отболевшее со злобой дня, мир человека с миром природы, великое с мелким, благородное с жестоким. Дело в том, что нежданная утренняя прогулка легла в памяти моментальным фотоснимком и отныне числится одной из важнейших единиц хранения в архиве самосознания. За несколько минут, проведенные здесь, я, может быть, навсегда стал обладателем величайшего сокровища. Теперь ощущение дарованного мне невероятного богатства будет уверенно жить в моей душе вне зависимости от того, какие красоты и достопримечательности окажутся перед глазами. Напитавшись чудесным солнечным, речным ветерком, веявшим из минувшего в будущее, я почувствовал себя готовым к новым встречам с людьми; более того, мне хотелось идти к людям, чтобы при случае поделиться доставшимся мне достоянием. Так таинственная глубина бытия пришла в согласие с сиюминутностью. А всего-то и нужно для обретения смысла — однажды свернуть с обыденного пути, по которому сотни раз проходил вместе с сотнями сограждан, так и не ведающих о сказочном кладе, лежащем у них под ногами; всего-то надо сделать шаг в сторону от повседневного маршрута на работу и с работы.

